

Когда все закончится, я по старой привычке буду вставать по ночам, ставить зеркала друг против друга и шарахаться от любой крылатой твари – птицы ли, бабочки, или еще кого.

Не уверена, что все закончилось.

А начиналось вот так.

Глава 1

Рыбы тыкались беззубыми мордами, облепили со всех сторон. Одна, смелее и злее, пробовала ущипнуть.

Множество пузырьков заменили звучащее слово – и встrepенулась, рассыпалась рыбья броня.

Белея на границе между воздухом и волнами, она глотала попеременно и то, и другое, кашляла, задыхалась. Встревоженные рыбы попрятались под корягами и смотрели оттуда, сквозь толщу воды, недоуменно: что это тут происходит?

Сама как рыба, выбравшись кое-как, плюхнувшись на мокрый песок, перекатилась с живота на спину – и никак не могла надышаться. От носа и до подбородка – сплошное пятно песка, темные черточки пряжей прилипли ко лбу. Уставившись пустыми глазами в россыпь звезд, она, наконец, ощутила озноб, и первая мысль была как раз об этом: *холодно*.

Холодно.

...Далеко, за тысячу снов отсюда, Кира плотнее закуталась в одеяло. Должно быть, полуночный ветер открыл вдруг окно, да так и оставил до утра. Иначе откуда же этот холод? Одним глазом взглянув на будильник, она подумала, что вставать еще нескоро – но снова уснуть не могла, слишком уж колотилось сердце, и слишком вдруг *холодно* стало.

...Далеко, за много километров отсюда, в последнюю минуту перед отправлением некто уверенно шагает в нутро поезда. Поспешно, пытаясь действовать бесшумно, ловко проехав лицом по свисающей с полки ступне, темная фигура устроилась у окна и попыталась отдышаться, но вдыхала лишь одуряющую духоту. И тут точно кто-то коснулся ледяными пальцами разгоряченной щеки. *Холодно*.

История начинается отсюда.

Дано:

Два путника вышли навстречу друг другу.

Хотя, может быть, начало совсем и не здесь, путников больше, чем два, и встречаться они не хотят (кто ж их спросит?).

Все столь относительно, что иногда при мысли об этом становится жутко.

...Лучший вид на этот город – если сесть на поезд «Москва-Санкт-Петербург» и уехать отсюда подальше.

Так, по крайней мере, думало большинство горожан.

Поэтому, погляди они хоть куда-то ещё, кроме как себе под ноги, то были бы весьма удивлены, заметив непонятого пола и возраста существо, одной рукой прижимавшее к себе клетку с большой белой птицей, а другой - вытаскивавшее сумку на колёсиках.

Ибо существо это, укутанное с головы до ног в мрачноватую слоистую одежду, нисколько о приезде не сожалело.

Все на нём (или на ней) было каким-то грубым, тяжёлым, словно бы вещи предназначались для того, чтобы их владелец (владелица) хоть чем-то удерживался на земле.

Белая птица в клетке возилась, складывала поудобнее крылья. Нервная, не оправилась еще от унижения: что в мире нелепее птицы, едущей поездом?

От сумки отлетело колесо и, совершенно издевательски крутясь, укатилось в тамбур. Колесо, очевидно, разделяло мнение местных насчет этого города и хотело в Москву или в Питер. Там зарплаты и культурная жизнь.

- Проклятье! – сказала существо, ступая на перрон. По голосу стало понятно, что это, несомненно, *она*, и что лет ей не так уж и много.

Белая птица в клетке возмущенно забила крыльями и привлекла внимание прохожего.

У девушки, кстати говоря, было имя. Это, конечно, совершенно неважно, потому что слова вовсе не так уж важны в сравнении с некоторыми другими вещами. Если б имени у нее не было, она спокойно бы обходилась без него. У птицы имени не было, и она не особо от этого комплексовала.

В общем, девушку звали Яся, птицу так и будем звать птицей – ведь девушек много, а птиц, белых как снег, путешествующих поездом и будто бы понимающих речь, едва ли наберется столько же.

- Кто это у тебя, не разберу... Сова? – спросил любопытный незнакомец.

- Да.

- Ну, улыбнись, - не унимался прохожий, - чего серьезная такая.

Выражение девичьего лица мгновенно сменилось с неприветливого на брезгливое. Незнакомец поспешил сделать вид, что не имеет к этому никакого отношения.

Яся осторожно втянула вокзальный воздух. Ощущался тот особый поездной запах, к которому примешивались нотки прогорклого масла из ларьков с жареными пирогами, и сырого асфальта, и сигаретного дыма, и помятых сонных пассажиров.

Воздух прилип, коконом опутал слоистую одежду.

Не знаю, что еще там эта девчонка унюхала, только стояла вот на перроне и дышала медленно и глубоко. Может, голодная, почуяла пироги?..

Белая птица, совершенно не похожая на сову, сидела тихо. Белая птица знала, что происходит.

Вернёмся к ним, когда хоть что-нибудь тут прояснится. Оставим пока что этих двоих – кому понравится быть менее осведомлённым, нежели птица. Нет, серьёзно, это уж ни в какие ворота.

Из доступных сегодня миров – мир колготок, диванов и кресел.

Так себе выбор, при любом-то раскладе выходит не очень.

В маршрутке Кира на слух попыталась определить сторону, по которой зашедшие в конец салона люди станут передавать мелочь. Держать в руке теплые влажные монетки казалось омерзительным, мало того – пришлось бы терпеть прикосновения незнакомцев.

Чужое дыхание обжигает щеку. Тычок в плечо.

Иногда это невозможно просчитать. Проклятые монетки решили передавать по обеим сторонам.

Кира участвует в общей забаве: по цепочке передает оплату за проезд. Затем достает из кармана салфетку и вытирает руку.

Ай. Пинок в спину. Они прикасаются уважительно лишь к телам собственных детей или любовников – да и то не всегда.

Взгляд все скользит по вывескам магазинов. Не будь «Мир колготок» узкой комнаткой, где с потолка свисают манекеновы рыжие ноги в чулках, не будь «Мир диванов и кресел» - пыльным павильоном с рядами безвкусной мебели,

открывая эти вывески в самом деле пути в другие реальности – Кира бросилась бы даже туда без раздумий.

Кто-то напомнил водителю, что он везет не дрова. Тот ответил нечто грубое, и по рядам пошло-побежало возмущение, передавалось, как плата за проезд. Внешне все здорово напоминало центральную часть «Сада земных наслаждений».

Кира пытается сосредоточиться. Смотрит на ряды монеток в прорезях большой прямоугольной губки рядом с водительским креслом. Эта губка в виде сердечка. Поролоновое сердечко подскакивало. Кирино - тоже.

-Проезд оплачиваем, четверо заходили!

До конца пути оставалось два мира и даже одна планета, когда привычное путешествие оборвалось.

Кого-то прижало дверью, и разразился скандал.

Будто кто-то выкрутил звук на максимальную громкость, и этот шум сливался в непонятный, все нарастающий гул. Где-то на задних сиденьях заплакал ребенок, и Кира уцепилась за его плач, высокий, резкий.

(Пожалуйста, малыш, не переставай реветь).

- Вы пять рублей недодали!

Она начинала ощущать, что тело становится отвратительно-чужим, ненужной пустой оболочкой.

убирайтесь прочь убирайтесь это мое тело мои мысли мои ощущения

- На остановке просили остановить!

(Плачь, маленький, плачь).

- Да успокойте ребенка!

Контур толкущихся рядом людей расплывались, границы их фигур сливались в одну бесформенную массу, оттенки одежд приобретали кричащий, режущий глаза цвет.

Воздуха не хватало, и Кира порывисто дышала ртом.

Губка с выемками для монеток – нежно-зеленая, плотная, водитель ей даже не мылся, похоже.

В мире существует лишь детский плач да поролоновое сердечко, и пока они не исчезли, все будет в порядке.

Кира вышла не на своей остановке, присела на пустую скамью. В этот раз она выиграла – и пока не придет темнота, можно об этом не вспоминать. Она откашлялась и, расправив плечи, как ни в чем не бывало пошла пешком.

Произошедшее не вызывало у Киры ровно никаких чувств. Кроме разве что одного, отдавалась которому она ежедневно, со всей полнотой упрямой своей натуры. Чувство это, должно быть, родилось раньше, чем первый человек на Земле. Физически оно похоже на привычную усталость, и усталости, в общем, сродни.

Небо, быть может, кишело драконами, из-под земли вырывался на волю неведомый странный народец – а ей было бы все равно, что бы ни произошло.

Кира шла мимо и ей могло бы быть скучно – нестерпимо, до одури, до боли в сведенных зевотой челюстях – но не было скучно тоже.

Ей было *никак*. И за это вождеденное, идеальное *никак* иногда приходилось бороться.

Со стороны это можно принять за стрессоустойчивость, доброжелательность и невозмутимость – отличные качества для работы с людьми. Кира работает с людьми. Ее работа не лучше и не хуже многих других.

- Кирюш, будешь борщ? – сходу спрашивает коллега и машет издали чем-то круглым, похожим на фрисби.

Кира кивает.

Поначалу ей кажется, что коллега сейчас метнет диск, но та кладет кругляшок в тарелку.

- Приезжала в том месяце мама, говорит типа ой, как ты, доча, без первого, желудок испортишь. Наварила борща литров пять, да. Нальет в тарелку – и в морозилку. Сложила их в морозилку, говорит: вот, разморозишь – будет тебе борщ. И уехала. Я своему хотела скормить, кто ж знал, что расстанемся. Ну, взяла сюда, думаю – может, ты будешь. А ты и будешь.

Подумав, что реклама удалась не слишком, поспешно прибавляет:

- Да не, правда, нормальный борщ.

- У вас тут борщ? Вот молодцы девчонки. Раньше-то ели мякину и лебеду натуральную, теперь колбасу жрем и химию! – поучительным тоном говорит вошедшая на кухню пожилая женщина. Что она имеет в виду – никто не понял, но на всякий случай все согласно закивали.

Кира пододвигает ей дымящуюся тарелку. Женщина перестает предаваться мечтам о мякине и принимается есть.

Из комнаты доносится звук, будто что-то разбилось, и сразу же – вопль отчаяния. Ясно: кто-то открыл окно и задел одну из пошлейших керамических фигурок.

Кира переводит взгляд на стену. С календаря смотрел щенок месяца, пухлый сердитый хаски, сообщая: «Лучший психолог – это щенок, который лижет твое лицо».

На запах еды притягиваются и остальные постояльцы – осторожно, делая вид, будто у них срочно отыскались на кухне какие-то дела. Поначалу неловко толкуются, ждут приглашения. Разве что скульптор с размаху садится за стол и выжидающе смотрит вокруг.

На него никто не обращает внимания, и он, в ожидании приглашения, со скорбным видом тычет в солонку пальцем, пока Кира не отбирает: противно есть соль, в которой побывали чьи-то руки, будь они хоть тысячу раз сопричастны искусству.

Хостел - то еще местечко. В городе, где никто не хочет задерживаться, в хостел людей гнало одиночество, а потому населялся он весьма колоритными обитателями.

Кто-кто в хостеле живет?

Скульптор – его никто никогда не видел за работой, но сам он себя звал именно так, и вдобавок приносил донельзя уродливые керамические фигурки, запойный повар, парочка влюбленных с другого конца страны и их маленькая собачка, пожилая дама, вечно раскладывающая пасьянсы – и временами кто-то еще заезжает, но не задерживается надолго.

Временами кажется: они притворяются.

Пока Киры нет, они говорят о настоящих, важных делах. А стоит перешагнуть порог – прикидываются простаками, принимаются мигом за разговоры о том, кто что съел, кто что купил, и что врачи не лечат, а учителя не учат. Сейчас они едят и говорят о еде. Это же как дважды поесть – в реальности и на словах.

Кира молчит, и они напускают на себя невинный вид – разве что-то не так? Разве ты не говоришь о еде?

Они стараются производить как можно больше шума. Говорят: «Включи телевизор, а то чего так скучно сидим». Они выбирают музыкальный канал: за музыкой чуть хуже слышно себя же.

Скульптор скребет волосы на лице, и звук получался характерный – шкряб, шкряб, шкряб.

тем временем

У сказочной принцессы слова катились с губ жемчужинами, оземь удалялись алыми розами. Слова Яси тоже в какой-то мере были волшебными: они превращались в скандал.

Это не помогло.

Яся определенно не была странствующей принцессой, перед которой радостно открывали двери хозяева постоялых дворов, признав королевскую кровь. Хотя бы потому, что из первого же места, из довольно убогого хостела, ее выставили прочь.

Тогда она с досады открыла клетку и попробовала было подговорить птицу прокрасться в их форточку и устроить переполох. Птица притворилась непонимающей.

Возможно, все потому, что следовало заплатить, но кого интересуют такие вот мелочи.

*****важное дополнение: в городе всего один хостел*****

Яся колупает остатки краски на стене, на изломе кусков видны слои: белый, зеленый, белый. Она делает то же, что сделало бы время.

Нетерпеливо отводит от лица бесцветные пряди, закусывает губу, сосредоточенно щурит глаза, старательно складывает осколки ссохшейся краски в карман. Белая пыль на окне почти не оставляет следов на коже, зато отчетливо отпечатывается на спине безразмерной куртки, шевелящейся в районе груди.

Ясе удастся отковырнуть особенно крупный кусок, когда замечает Киру. Ей приходится напрячь память, чтобы вспомнить, где они уже встречались.

что видит Кира

Двухголовое существо: седая человечья голова и, пониже шеи, белоснежная птичья. Две пары глаз, одни жутче других – расширившиеся в темноте зрачки девчонки столь же черны, как глаза птицы. Существо одновременно склоняет набок обе головы и произносит (к счастью, всего одним ртом, человеческим – отчего-то казалось, что и говорить оно будет на два монотонных голоса):

- Да, довольно неловко.

- В самом деле? – уточняет Кира, поднимается выше, с трудом отпирает дверь: под немигающим надзором черных глаз ключ едва не валится из рук.

Если делать вид, что ничего не происходит, это тебя не коснется.

Больше существо ничего не говорит. Дверь запирается изнутри.

Птица смотрит на Ясю осуждающе. Та, как ни в чем не бывало, продолжает обдирать краску, будто нет занятия интересней.

Кира предусмотрительно отключает звонок: чертова девчонка непременно станет трезвонить в дверь. Примется стучать – так себе же сделает хуже, шум потревожит соседей, а они терпеть долго не станут.

Кире настолько без разницы, зачем объявилась эта девица, что она повторяет это себе ровно одиннадцать раз.

Прикрыв на секунду глаза, вновь видит это лицо. Удивительно думать, как его – резковатые, в общем, черты - превратились в ее девичьи, не утратив похожести. Кира представила, как ей – той девчонке, не Кире – говорят, мол, «папина дочка» - и треплют по стриженному затылку, лохматят крашенные пряди.

Кира не чувствует ничего, но ощущает биение сердца.

Крадучись, она подбирается к глазку. На лестничной клетке пусто. Сердце, минуя грудную клетку, стучится прямо о дверь.

Подумав немного, Кира резко разворачивается и идет в душ, не заботясь о том, слышны ли в подъезде ее шаги или нет. Надо смыть с себя этот день. Завтра все будет по-прежнему.

Вода обещает забвение: все пройдет, испарится, исчезнет. Ни о чем не стоит беспокоиться, ничто не бывает важным надолго – к сожалению и к счастью.

Покой обрывает темнота. Раз – и нет ничего. Черные струи воды, черный воздух вокруг, под этим плотным покровом сжимаются потихоньку стены.

Кира привычно застывает на месте – *это всегда начинается так, сейчас непременно начнется*. Она слишком резко затягивает поясок у халата – ощущение веревки, перетянувшей туловище напополам – чтобы хоть как-то ощутить себя *здесь*. Тихо, дыши. Ничего не начнется. Ослабив поясок, Кира шлепает в коридор – мокрые ступни оставляют следы - и распахивает широко дверь.

О, разумеется. Какой же сюрприз.

Около электрощитка стоит Яся. Очевидно, она перебрала все известные способы привлечения внимания и остановилась на этом.

Яся умудряется смотреть сверху вниз на собеседника любого роста, но Киру этим не впечатлишь.

- Включи свет, - говорит Кира.

Яся неожиданно послушно кивает, но сообщает будто бы мимоходом:

- Птица может перекусить провода. Пригласи меня в дом?

Последнее звучит не вполне как вопрос.

- Не хочу.

- Почему?

Действительно. Кира возводит глаза к потолку. Она стоит на пороге, переминаясь с ноги на ногу. Откуда-то вспоминается: нечисть не может войти без приглашения, не зови сам – и не будет беды. Капли воды падают с волос на плечи, и каждая капля пронзает холодом. Мокрые пряди липнут ко лбу - все это было, точно ведь было. То ли холодом веет от самой этой девчонки, тарашающей глаза бесцветные, рыбы, то ли задувает ветер в хлипкую подъездную форточку. Ветер, конечно же ветер.

- Чего ты хочешь?

Она готова, в принципе, к любому ответу, но Яся, похоже, ведет внутри своей головы какой-то иной диалог. Потому что она говорит:

- Держи птицу! - расстегивает куртку и вручает Кире большую белую и до невозможности теплую птицу.

Яся смотрит.

Птица смотрит.

Чего вы смотрите, хватит.

Кира не любит прикосновений, громких голосов, непонятных историй и, как выяснилось только что, пристальных взглядов.

Все это она впускает сейчас в свой дом. *Кир, ну зачем? Ты хорошо подумала?*

Кира вообще не думала, в том-то и дело.

Хлопает дверь.

Она делает шаг назад, и Яся входит в квартиру.

Впервые за долгие месяцы кто-то чужой переступает порог.

Глава 2

неделю назад

- От тебя холод! – поеживается мама.

От Яси и правда холод и хаос. Она мерит шагами квартиру, то и дело косясь на окно.

Зачастую от хрупкого существа ждешь изящества, грации, но Яся движется как сломанный робот, сутулит тонкую спину. Ей доступны лишь два состояния: полный покой и беспокойное действие. Резкие движения взбивают воздух, пальцы чуть что сжимаются в кулаки – не то агрессия, не то попытка согреться.

Ночью она откатывается поближе к батарее и прижимается спиной – на ней остается большое розовое пятно – и так и лежит. Спина горит, колени прижаты к груди. Нужно успеть откатиться обратно, пока не провалилась в сон. Иногда, неловко повернувшись, Яся проваливается в промежуток между диваном и батареей. Утром ее не найти: лежит свернутое одеяло, а Яси нет и в помине. Она занимает совсем немного места. Пока молчит. Начав говорить, заполняет все пространство сразу.

Диван под Ясей скрипит, мама шикает с кровати. Попытки ползти аккуратно, как бескостный моллюск, обречены на провал: диван откликается на каждую Ясину кость, выступающую под кожей.

Она приподнимается на локте и видит за окном смутный силуэт.

Пришла. Снова пришла.

Яся переворачивается на живот и зло сопит в подушку.

рассказывает Яся

Птицы все портят.

Они никогда не бывают к добру, будь то влетевшая в комнату чайка, ворон на кладбище или еще кто. Даже если какой-нибудь парень, допустим, прикован к скале – непременно прилетит орел и сделает жизнь еще хуже.

Так что все началось с нее, с этой проклятой птицы.